

18+

Олеся Новопашина

ИЕРОГЛИФ СИ

Олеся Новопашина

Иероглиф Си

«Издательские решения»

Новопашина О. О.

Иероглиф Си / О. О. Новопашина — «Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**Маэ

Юки не верила в сверхъестественное. Но в тот день, когда она случайно ступила на запретную тропу в лесу, её жизнь превратилась в бесконечный кошмар. За ней пришла та, у кого нет имени — только глаза, полные чужой боли. Вскоре в её классе появляется новенькая — Мори Сиэми. Слишком умная. Слишком наглая. И слишком хорошо знающая то, что прячется в лесу. Юки не знает, почему Сиэми выбрала именно её. Но скоро ей предстоит узнать правду: её смерть — не случайность. Её существование — ошибка.

© Новопашина О. О.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2. Девятнадцатое июня	8
Глава 3. Третье июля	10
Глава 4. Девятнадцатое июля	13
Глава 5. Двадцать пятое июля	17
Глава 6. Двадцать восьмое июля	21
Глава 7. Вечер двадцать восьмого и утро двадцать девятого	23
Глава 8. Первое августа	26
Глава 9. Восьмое сентября	30
Глава 10. Шестнадцатое сентября	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Иероглиф Си

Олеся Олеговна Новопашина

© Олеся Олеговна Новопашина, 2026

ISBN 978-5-0071-0980-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

«Лучше бы я не знала, когда мне предстоит умереть. Знаете, а ведь забавно то, что люди ищут всегда в чем-то смысл, иногда даже там, где его и нет вовсе. Так же и я, все время искала смысл своего существования, как и остальные. Сейчас же понятия не имею, зачем вообще искала.

Жаль, мне очень жаль, что не смогу более исправить своих ошибок. Простите меня. Молю простите. Мам, я люблю тебя, нужно было говорить тебе это чаще. Юрика, надеюсь, ты будешь счастлива, слушайся всегда маму. Больше я не буду обременять никого своим существованием.

Яно и Тиба, я вам очень благодарна за вашу искреннюю дружбу, вы были моими первыми друзьями. Сиэми... перед тобой я виновата не меньше. Из-за меня тебе пришлось пережить слишком много, прости меня. И спасибо. Спасибо за то, что показала мне столь теплую и близкую дружбу. Я всегда мечтала о такой подруге, как ты.

Не забывайте меня. Люблю вас, Ваша Юки»

Эту записку я написала перед своей второй смертью. Хотя на самом деле я действительно хотела жить. Очень. Многие мои мечты не были исполнены, но другого выхода у меня не было. Либо я, либо раз за разом кто-то другой.

А ведь всё начиналось совсем не так... в какой же момент все пошло по наклонной?

Двадцать девятое июня.

Я нервно сжимала и разжимала кулаки.

— Почему мы остановились? Давай пойдем дальше.

— Так надо.

— В смысле «Так надо»? Пошли просто по туристической тропе.

Мы отошли от хижины всего метров на сто. Но Мори отказывалась двигаться дальше. Запах изменился. Если раньше здесь пахло перегретой землей и зноем, то теперь в воздухе витал тошнотворный привкус сырой крови. Солнце не пробивалось сквозь сплетение высоких деревьев.

Мрачно, сыро и туманно, хотя еще полдень.

Мори резко вскинула голову, наконец-то посмотрев на меня.

— Мы идем обратно.

— Зачем? И вообще, почему мы оттуда ушли? Что случилось?

За спиной раздался шорох, словно кто-то волочил тяжелый предмет по земле. Чужое присутствие навалилось на плечи, заставив медленно обернуться. Что-то... изучало нас, ощупывая взглядом.

Я не помню лица. Не смогу описать его. В одну секунду — лицо продавщицы из магазина, в другую — учителя, а в следующую — улыбающееся лицо популярной актрисы. Оно было похоже на всех, кого я когда-либо видела, и в то же время не похоже ни на кого конкретно.

Помню лишь жуткую, зловещую ухмылку, оголяющую слишком много острых зубов, и ощущения, охватившие меня в тот момент. Страх, густой и липкий, как смола, сковал мои суставы.

— Там... — пролепетала я.

— Теперь пойдешь со мной? — Взгляд Мори беспокойно метался по сторонам, но в голосе звучала решимость.

Холодный пот прошиб меня до костей. Казалось, если перестану смотреть, оно бросится на меня.

— Пойду.

Она крепко сжала мою руку, словно боялась, что я исчезну, растворюсь в этом кошмаре. А оно... оно не отставало. Не бежало, а скользило за нами, словно призрак, и с каждой секундой становилось все ближе и ближе. В голове звучали голоса, тысячи голосов, сливающихся в неразборчивую какофонию, от которой раскалывалась голова.

Хижина нависла над нами, когда мы уже приблизились. Мори осторожно приоткрыла дверь, заглянула внутрь и, убедившись, что там безопасно, потянула меня за собой. Сердце бешено колотилось в груди, словно птица, бьющаяся в клетке. Бежали по узкому коридору, спотыкаясь, падая, задыхаясь. Я чувствовала, что в доме кто-то есть. Не женщина и не это существо, а кто-то еще. Кто-то неподвижный и терпеливый. Кто-то, кто ждал здесь давно.

Мы выскочили наружу и мчались, не разбирая дороги. Всё, чего хотелось в тот момент, так это быть как можно дальше от этого ужаса! Оказавшись за пределами леса, на проезжей части, я наконец могла остановиться.

Но ноги по-прежнему подкашивались от страха и усталости. Я пыталась отдышаться, хватаясь за бок, чувствуя, как жжет в легких. Мори рухнула на землю тяжело дыша.

— Запомни, Юки. Мы туда больше... никогда... ни ногой!

Я лишь кивнула, присаживаясь рядом с ней. Невольно подняла взгляд на небо. Тучи сгущались, небо давило своей мрачностью, но выглядело каким-то... обыденным. Словно за той хижинкой, за той тропой была другая реальность. И она не собиралась нас отпускать.

— Что это было?

— Я не знаю.

— Врешь же, по тебе вижу.

— Я ничего не знаю, Юки. Поверь.

— Откуда ты знала тогда, что нужно возвращаться? Почему говорила, что нельзя идти дальше?

...

Она молчала, уходя от ответа. Я была уверена, что когда-то она там бывала. Мори твердила, что я должна забыть все, как страшный сон. Сколько бы я ее ни расспрашивала на протяжении нескольких недель, ей было все равно. Она словно пыталась стереть из моей памяти все, что произошло.

Пару дней после мы столкнулись в женском туалете. Кроме нас там никого не было. Редкая удача.

— Избегаешь меня?

Глупо ссориться из-за какой-то ерунды. В последнее время Мори чем-то обеспокоена. А кто, кроме меня, мог ей помочь?

— А? Да нет, не избегаю.

— И опять врешь... — отрезала я. — Раньше мы шли домой вместе, а сейчас ты уходишь раньше, чтобы со мной не пересечься. В столовой сидишь отдельно. Ты после той хижины как зашуганная.

Мори опустила ресницы, глядя чуть в сторону. Она мне не отвечала, прикусив губу.

Я сделала глубокий вдох.

— Ладно, не хочешь говорить о хижине... не надо. Но может хватит этих детских игр?

— Прости... да, я знаю, что очень глупо поступаю. — Она наконец-то подняла взгляд на меня. — Я пока не могу тебе все рассказать. Мне нужно время.

— Я не буду тебя торопить. Расскажешь, когда посчитаешь нужным.

Я согласилась ждать. Но в тот момент ещё не знала, что время, о котором она говорила, уже поджидало нас за углом. А ведь все начиналось всего пару дней до того, как мы оказались в лесу...

Глава 2. Девятнадцатое июня

На улице блестели лужи после дождя. В классе прохладно, окна открыты. А второе, что я замечаю это теплые голубые глаза, сопровождающиеся искренней улыбкой.

— Маэ! Иди скорей сюда! Знаешь че? — крикнула девушка.

— Тиба, будь тише, Маэ не глухая, и так слышит... — Яно я всегда узнаю по сварливому тону.

Я подошла к друзьям, по пути оставив сумку на своей парте. При этом все что-то бурно обсуждали. У нас какое-то мероприятие намечается? Или уже успело что-то произойти?

— Теперь слушай. — не успела я ещё дойти до них, а Тиба уже начала — К нам новенькую переводят.

— Прошло ведь больше месяца от начала учебного года, почему именно сейчас?

— Так и мы о том же! Может она уже успела напортачить за первый месяц в старой школе и её к нам переводят?

Яно закатила глаза.

— Ты её даже ещё не видела, не надумывай.

Раздался звонок и учительница с мешками под глазами вошла в класс. За дверьми класса виднелся женский силуэт. Взгляд каждого устремился именно на него, не обращая внимания на учительницу. Она лишь тяжело вздохнула и произнесла:

— Доброе утро класс, спешу вас обрадовать хорошей новостью... ох, с этого дня с вами будет учиться новая ученица. — она повернулась к двери — заходи.

Вошедшая была высокая и стройная, со светлыми волосами, каскадом спадающих на плечи. Её зелёные глаза не столько сияли, сколько

проживали насквозь. В ней чувствовалась сила и уверенность, но в то же время — нежность и лёгкость.

С чарующей улыбкой она стояла к нам лицом, с идеально прямой осанкой.

— Меня зовут Мори Сиэми, я очень рада с вами познакомиться. Надеюсь, мы подружимся.

Каждый ждал, что она скажет что-нибудь ещё, но её глаза блуждали по кабинету, цепляясь за лица и в конце концов остановившись на мне. В её взгляде мелькнуло нечто большее, чем просто дружелюбие — какое-то старое, давнее узнавание. Девушка подмигнула. Я огляделась, но, похоже, больше никто этого жеста не заметил. Улыбка новенькой стала лишь шире, хитрее.

— Итак, Мори, ты можешь занять место вон там, возле Маэ, — учительница Коно указала на пустующую парту рядом со мной.

Мори кивнула, что-то быстро ответила учительнице и уселась за новое место, сразу же начав доставать учебники с каким-то маниакальным энтузиазмом.

В тот день Мори словно задалась целью восхитить всех. Она отвечала на вопросы, задавала свои, мгновенно впитывала информацию, сыпала комплиментами — и все это с обезоруживающей улыбкой. К концу первого дня она купалась в лучах всеобщего обожания.

Но больше всего меня удивляло другое. Среди всей этой толпы желающих с ней подружиться, Мори упорно пыталась заговорить именно со мной. И каждый раз я находила способ ускользнуть. Не то чтобы я боялась новых знакомств, просто вся эта ситуация казалась мне... искусственной.

Даже Яно и Тиба, мои вроде как подруги, стали крутиться вокруг Мори, словно мотыльки на свет. Я могла лишь криво улыбаться и делать вид, что ничего не происходит. «Перебесятся» — думала я. «Скоро забудут о Мори.» День выдался паршивым. Без настроения я выходила из школы.

В тот день мне хотелось уединиться в своем любимом месте — лес возле дома. Там почти всегда безлюдно. Лес дышал сыростью после дождя. Я прислонилась к сосне и открыла потерянный синий блокнот.

У меня была привычка носить его с собой. В нем я записывала стихи, цитаты или просто мысли, блуждающие в голове. Помнится, эту вещь подарил мне папа, когда мне исполнилось восемь лет. Конечно, это был не единственный подарок, но он остался со мной до сих пор.

Но сегодня стихи не шли. Стоило мне записать строчку, как я сразу её зачеркивала, слова просто не связывались во что-то годное.

Послышались шаги. Слишком легкие, чтобы быть случайными. Она вышла из-за кустов, словно знала, что я обязательно буду здесь.

— Ты Маэ Юки? — Она наклонила голову чуть набок.

Я не успела ответить. Мори присела рядом так близко, что я могла чувствовать запах её сладких духов. Я попыталась выбить себе хоть немного личного пространства, отступив в бок.

— Хороший блокнот...

Моя рука машинально прижала блокнот к груди, и я нахмурилась.

— Чего тебе? Весь день меня как призрак преследуешь.

Но казалось, что ей совершенно плевать на моё негодование. И бровью не повела.

— Зачем прячешь? Скрываешь что-то?

Я моргнуть не успела, как она уже держала блокнот в своих руках и раскрыла его по середине, подскочив на ноги.

— В лесной глуши, где дремлет свет, рождается мечта...

— Отдай! — Я попыталась забрать свою вещь, но Мори отпрянула в сторону.

Она лишь улыбнулась, но без насмешки.

— Красиво пишешь, Маэ.

Она развернулась и убежала. Так быстро, словно не касалась земли. Это было так неестественно, что на секунду я застыла в ошеломлении, и этого хватило, чтобы она скрылась из виду.

*

На следующее утро я вошла в класс и увидела Мори. Наши взгляды пересеклись и сразу же она подошла ко мне.

— Прости меня за вчера... Я правда не хотела ничего плохого.

Она протягивала мне блокнот с виноватой улыбкой, не смотря мне в глаза. Молча вырвав его из её рук, я пошла к своей парте.

Уже в обеденный перерыв кое-кто начал сильно меня донимать и расспрашивать. Пришлось всё рассказать. Тиба открыла свой контейнер с обедом. Сразу почувствовался запах риса и рыбы.

— Че прям просто убежала и ничего не сказала?

— Да, прям так.

— Но зачем?

— Мне то откуда знать?

Я больше беспокоилась о том, что Мори могла использовать это в своих целях. Может она успела сфотографировать все страницы, а потом будет с кем-то смеяться за спиной.

— Ты вообще есть собираешься? Если что, я всегда готова помочь. — Она передвинула мой контейнер ближе к себе.

— Эй, я вообще-то буду есть. Да и ты бы свое для начала съела.

Глава 3. Третье июля

Прошло чуть больше двух недель. Если раньше я царила на олимпе успеваемости среди параллели, то теперь Мори заняла мое место. Эта девочка стремительно набирала обороты. Безупречные ответы, неугасающее участие, она будто жонглировала талантами, успевая все и сразу.

Хуже всего было то, что она каждый день настойчиво пыталась завязать со мной беседу. Казалось, она наслаждалась моей досадой, издеваясь своим триумфом. Я обрывала любые попытки разговора, не давая ей шанса даже вздохнуть.

В очередной раз, возвращаясь в класс, я почувствовала холодок неясного предчувствия. Интуиция редко меня обманывала. Взгляды всех учеников были прикованы к нашей троице. Передо мной предстала сцена: Ёсида и ее свита, как воронье, обступили мою парту. В руках одной из них был мой рюкзак.

— Эй, вы что делаете? Руки убрали свои быстро! — Тиба шагнула вперед, готовая к бою.

Ёсида не отступила, только злобно выплюнула:

— Что мы делаем? Лучше спроси у Маэ, почему это было у неё в рюкзаке!

Демонстративным жестом она швырнула на парту порванную тетрадь. На обложке виднелось имя: «Мори Сиэми».

— И как это оказалось в моем рюкзаке, Ёсида? — мой голос звучал спокойно, но внутри бушевал гнев.

Девушка с вызовом уперла руки в бока. Ее тон был надменным и уверенным, словно она говорила правду:

— Да ладно тебе притворяться. Сама украла, сама изорвала.

Я вскинула бровь, и, прежде чем я успела возразить, она продолжила свою тираду:

— Слушай, да, ты всегда была первой. Но пришла Мори, и что теперь?

Нужно ей жизнь испоганить? Завидно?

Яно шагнула вперед, но я остановила её жестом.

— У тебя есть доказательства помимо твоих слов? — спросила я.

Ёсида замаялась на секунду, но тут же процедила:

— А кому оно надо? Все и так знают.

Класс замер в тишине. Лица одноклассников были опущены, никто не хотел вмешиваться в этот конфликт.

В класс вошла Мори. Невольно мои кулаки сжались, но я постаралась скрыть свое напряжение за маской безразличия. В этот момент мне хотелось выкрикнуть ей: «Весь этот цирк из-за тебя, вот сама и разбирайся!», но, понимая всю абсурдность ситуации, промолчала.

— Мори! Я нашла твою потерянную тетрадь с эссе, — Ёсида указала на парту пальцем.

— Правда, кое-кто его немного потрепал, — она бросила злобный взгляд в мою сторону.

Взгляд Мори скользнул по мне.

— Да ну? — словно с насмешкой спросила та.

Тиба:

— Ёсида заткнись! — рявкнула она и после посмотрела на Мори — Она врет тебе!

Новенькая просто усмехнулась, глядя на нас. Достав телефон, она показала нам видео, где прекрасно видно, как Ёсида и ее приспешницы с остервенением издеваются над тетрадью Мори.

— И к чему этот спектакль, Ёсида Рин? — Мори улыбалась, подходя к ней все ближе и ближе. Ёсида кусала губы от злости и унижения.

Мори остановилась прямо перед ней и тихо, но отчетливо произнесла:

— Тебе следует извиниться. И не передо мной.

— Просто скажи, зачем? — Мне не хотелось слушать ее притворное раскаяние или что-то подобное.

Мори:

— А я отвечу за нее. Видите ли, есть парень из параллели — Кудо.

Его имя ничего мне не говорило. Мы с ним раньше ходили в один клуб и изредка общались, но я не знала, что он знаком с Ёсидой. Тем не менее меня поражало совсем иное.

— Он смотрит на Маэ. А на тебя — нет.

— Заткнись! Откуда ты знаешь?! — взвизгнула та.

Мори бросила на нее ледяной взгляд, приказав замолчать. Будет позорить, пока та не вымолит прощение.

— Ты сама себя выдала.

— Сиэми хватит... — Я хотела сказать что-то еще, но слова застряли в горле, когда я осознала, что назвала новенькую по имени. — Что уставились? Оговорилась.

— Пожалуй, ты права, Юки. — усмехнулась та и отошла от девушки, оставив её переваривать огромный позор.

Ёсида стояла, склонив голову вниз. Плечи её вздрагивали, кулаки сжались до побелевших костяшек. По щекам побежали слезы.

— Слушай может... — начала одна из её подружек

— Отвали! — Она резко побежала к выходу, крича в след, что мы кретины.

Особенно «теплые» пожелания летели в адрес Сиэми.

Мори улыбалась, но уголки её губ подрагивали, удерживать это выражение лица для неё было тяжелой работой.

В этот момент мне даже стало жалко Ёсиду. Тогда я обратилась к её подружкам.

— А вы не собираетесь идти за ней?

В ответ тишина. Тогда я пошла к выходу из класса.

— Маэ, ты серьезно пойдешь после того, что она сделала? — спросила Яно

Я ничего не ответила, даже не остановилась. Хотя я и не знала где Ёсида, но у меня было лишь одно предположение. Резкий запах хлорки и дешёвого мыла ударил в нос, стоило мне переступить порог женского туалета. Приглушённые всхлипы из кабинки заставили меня остановиться.

— Я знаю, что ты тут. — подошла я к кабинке.

— Ты пришла посмеяться? — голос Ёсиды дрожал, но без злобы. В нём была лишь усталость.

— Нет.

— Тогда зачем?

Мне пришлось сделать пару глубоких вдохов перед тем, как продолжить.

— Просто считаю, что мы с тобой похожи... понимаю, что ты чувствуешь.

— Ты и я? Похожи? Думаешь, что понимаешь меня? Ты вечно получаешь лишь самое лучшее! Оценки, почетные места, уважение учителей, родителей и друзей. Даже Кудо заполучила! А я все на втором плане.

— Кудо? — я усмехнулась. — Мы с ним словом не обмолвились за полгода.

Услышав, как она притихла, я продолжила:

— А знаешь, я ведь тоже тебе завидовала. Однажды я видела, как выступал твой клуб. Честно, мне так понравилось, как ты играешь на гитаре. Даже захотелось попробовать, но всё не получалось. Ты всегда была душой компании, а я всего лишь примерной ученицей, которая могла похвастаться лишь своими оценками. А ты такая яркая, с цветными волосами, всегда идешь против правил. Но потом ты изменилась, даже на гитаре играть перестала...

— Я действительно отвратительно поступила...

— Ну, кто не ошибается? — тишина повисла между нами, и я продолжила

— Может уже выйдешь?

Замок щёлкнул, дверь приоткрылась. Она аккуратно выглянула наружу и было видно, как её тушь размазывалась по щекам, оставляя чёрные дорожки.

— Пойдем, урок скоро.

Ёсида тихо кивнула мне в ответ.

Она заходила в класс, опустив голову. Воцарилась мертвая тишина. Подружки Ёсиды стояли в стороне, не зная, куда деться, но не решались подходить.

— Ну ты даешь! — Тиба подошла к Ёсиде, слегка удивленная. — Но знаешь, что-то мне тебя так жалко стало... Прости, если я наговорила тебе гадостей.

Та вытирала остатки слез с лица.

— Ничего, я сама виновата...

Ёсида села на место, закрываясь ото всех учебником. Кто-то попытался с ней заговорить, но она отмахнулась. Тишина в классе давила на уши, но это намного лучше криков. Я взглянула на Мори. Она стояла у окна, скрестив руки на груди, и смотрела на Ёсиду без какого-либо злорадства, скорее с безразличием.

После уроков я стояла у своего шкафчика с обувью.

— Хорошо то, что хорошо кончается, правда? — Сиэми подошла ко мне, лукаво улыбаясь.

— Да... — Переобувшись, я продолжила. — Кстати, я тоже хотела бы извиниться.

— И за что же? — Я услышала смешок в её голосе.

— Ну, я тоже тебе грубила. Хотя ты уже извинилась.

— Да ладно, я ведь сама виновата.

Мы вышли со школы вместе.

— А ты состоишь в каком-то клубе?

Она взглянула мне в глаза и ответила:

— Да, в театральном.

Чуть погодя Мори спросила меня:

— А что насчет тебя?

— Я занимаюсь дзюдо.

— Занятное хобби для девушки. Я-то думала ты в литературном клубе или что-то в этом роде.

Я лишь усмехнулась и потом, немного помявшись, спросила у Мори то, что интересовало меня уж как пару часов:

— От куда ты узнала про Кудо?

— Подслушала в туалете.

— И поэтому ты решила устроить такую драму?

— А было бы лучше, если бы я её не трогала?

Я не нашлась со словами, и тогда Сиэми усмехнулась, глядя на меня.

— Не важно. Мы, кстати, с тобой соседи. Видишь дом напротив?

Глава 4. Девятнадцатое июля

На удивление с Мори мы сдружились быстро, несмотря на её острый язык. Гуляли вместе, ходили в школу вместе.

На её колкости я лишь усмехалась, и она обычно переводила тему.

С тех пор и началось самое страшное в моей жизни.

Помню ужасно жаркий летний день, когда солнце беспощадно заставляло асфальт под ногами плавиться, заодно сплавляя и нашу кожу, как воск.

Моя челка неприятно липла ко лбу, как и футболка к груди. Люди вокруг машут на себя то руками, то подручными вещами в виде газеты, книги или веера, ища спасения от палящих лучей.

Мы были на детской площадке недалеко от школы. Её построили совсем недавно. Пока мы качались на новых желтых качелях, дети в это время резвились в яркой песочнице, да лазили по горкам, несмотря на то, как из родители гонят их домой под кондиционер. Мы глядели на людей, проходящих мимо нас с одними и теми же стаканчиками с мороженым, которые продаются в новой лавке. Все разноцветные, с посыпкой и пошитые красиво шоколадом, слегка тая и капая на землю или на руки.

Нам обоим оставалось лишь завидовать им, ведь ни у Мори, ни у меня не было денег совсем.

— Как думаешь, стоит позвонить маме и попросить денег? — повернулась она ко мне, слегка качаясь.

Я молча пожала плечами, как бы говоря: «Попытка не пытка».

Мори достала из своей сумки телефон в белом чехле с цветочным узором. Её длинные пальцы настукали на телефоне цифры по памяти, после чего послышались прерывистые гудки. Раз. Два. Три.

— Денег нет — сразу послышался женский голос с той стороны, точно знающий, зачем звонят.

— Но мам...

Не успела она договорить, прежде чем вызов сбросился. Мори проворчала себе под нос что-то, небрежно сунув телефон назад.

— Может быть в лес сходим? Там обычно прохладно, даже свежо.

— Делать нечего, как комаров кормить? Давай лучше в торговый центр какой-нибудь сходим, там и кондиционеры везде, и магазинчики.

— Без денег?

Замолчав, она прикусила губы. И только помешкав ещё пару мгновений, она сказала:

— Ладно. Но вглубь не зайдем, так прогуляемся.

Вскоре тень деревьев и прохладный ветерок накрыли нас, что стало блаженством после раскаленного города.

Трава хрустела под ногами, а иногда корни деревьев путались под ногами, из-за чего изредка спотыкались. Мы болтали ни о чем, но я успела заметить, что Мори специально избегала заходить в северную часть леса.

Если я поворачивала туда, то она будто случайно задевала меня плечом, направляя в другую сторону.

Шли мы на восток, где я обычно не бываю совсем. Не люблю гулять слишком далеко, да и, впрочем, не с кем было.

Мори рассказывала мне забавные истории из прошлой школы. Как они сбегали в магазин во время урока физкультуры, а продавец прятал их прямо под прилавком.

Её жизнь, по рассказам, казалась мне насыщенным фильмом про школьные годы, полные жизни и эмоций, что создавало дикий контраст на фоне моих будней. На мгновение я почувствовала укол обиды за то, что я также не живу.

А что я могу ей рассказать? Только свои тренировки, школу, оценки, свои стихи... в целом, она и так знала обо всем этом. Потому я чаще выступала в роле слушателя.

Как вдруг мой глаз зацепился за яркий блеск вдалеке. Я сразу поняла, что это. Подорвавшись с места, я побежала, чтобы подтвердить свою догадку.

— Эй! Куда?!

Быстрым шагом Мори погналась за мной, пока не поравнялась с моим плечом. Нашему взору предстало огромное голубое озеро, раскинувшиеся среди густых деревьев.

Яркие лучи солнца бликами отражались от поверхности воды, слепя прямо в наши лица, заставляя щуриться.

— Сиэми! Видишь?!

Я воодушевлено кричала ей, хотя мы стояли рядом.

Когда я повернулась к ней, не увидела на её лице такого же торжеств и радости.

Её брови на мгновение сомкнулись, а пальцы сжало кору дерева. Словно вспомнила что-то.

А заметив мой взгляд, она вскинула брови вверх, показывая удивление нашей находки.

Сразу же мы спустились к самому берегу. Я скинула тапки, опуская ноги на горячий и мягкий песок, ощущая каждую резинку под ногами.

— Искупаемся?

На моё предложение Мори выдохнула, глядя на мою беспрекословную радостную улыбку.

— Ну, купаться так купаться! — сказала она голосом, в котором я не услышала радости.

И тут скидывает с себя футболку, а затем и штаны, оставаясь в одном нижнем белье. Она побежала в воду, скидывая по пути тапки. И тогда я подумала, что мне показалось, что она не хотела идти.

— Но я первая!

Я не стала долго стоять на месте, следуя её примеру. Одежда полетела в те же кусты. Когда я забежала в воду по щиколотки, на меня полетели брызги воды, заставляя вздрогнуть.

— Сиэми! Твою мать.. она ведь холодная!

Она стояла в воду уже по пояс, даже не собираясь постепенно привыкать к температуре воды.

Резко, словно отрабатывая очередной прием, я сделала движение ногой поднимая такие же брызги на неё, пока та защищалась руками.

Мы устроили водяной поединок, пока обе полностью не намочили волосы.

Кожа, которая пару минут назад горела от солнца, мгновенно охладилась, заставляя ослабленно выдохнуть.

Все-таки искупаться было лучшей идеей.

У соседнего берега мы увидели ветхую деревянную лодку, привязанную к деревяшке, торчащей из воды. Конечно, мы забрались на неё.

Лодка просела под нами, погрузившись дном в воду сильнее, что послышался треск дерева. Но она держалась уверенно на воде. Мори взяла в руки весла и начала грести.

Я сунула руку в воду, глядя на то, как за ней тянется создаваемый мною поток. Так мы оказались прямо по середине озера, накрытого низким туманом.

Лодка качнулась, когда я поднялась на ноги, глядя на свое отражение.

— Че будем прыгать? — спросила Мори, глядя на меня снизу вверх, все ещё держа весла.

— Ну тогда зачем мы тут? — Усмехнулась я и в мгновение оттолкнулась ногами от лодки и нырнула под воду.

Вода обволакивала меня по-всюду, и я открыла глаза. Видела еле-еле, так как она была мутной.

Дернув руками, я попыталась оттолкнуться от воды и всплыть на поверхность, как почувствовала, что не могу. Моя нога застряла.

Я дернула раз, второй, а бестолку. Думала, что зацепилась за водоросли или ещё за что. Наклонив голову вниз, я увидела тонкие бледные пальцы, обхватившие мою лодыжку, удерживая мертвой хваткой на месте. И два глаза, смотрящие прямо в мои.

Тварь потянула меня глубже, пока её уродливое лицо с широким ртом не оказалось на уровне моего. Глаза чёрные, не имеющие зрачков, с застывшей безумной улыбкой до ушей. А шея неестественно выгнулась в сторону, словно сломанная.

В панике я начала делать рывки, в попытке всплыть, от чего лишь тратила силы напрасно. Она вцепилась своими зубами в моё плечо, прокусывая до крови. От боли я открыла рот, чтоб вскрикнуть, но вода лишь проникла в мой рот, выбивая воздух.

В то же мгновение вода стала ещё мутнее, словно что-то сверху упало в воду. Я увидела что-то рыжие, а затем чужие руки обхватили меня, потянув наверх.

Тварь отцепилась от меня, и я начала двигать ногами, чтобы помочь меня вытаскивать и скорее всплыть.

Вынырнув, я зацепилась за край лодки. Благодаря Сиэми я забралась на деревянную поверхность, жадно хватая воздух ртом, пока та хлопала меня по спине.

— Ты чего не сказала, что плавать не умеешь? А если бы я не догадалась прыгнуть за тобой?

Я не могла ей ответить, пока откашливала воду, вцепившись в свое горло, упираясь второй рукой об дно лодки.

— Да у тебя лицо аж посинело... — глядела она на меня, придерживая, но за тем на её руке остался кровавый след — Что?

Пару секунд она еще растеряно смотрела на свою ладонь, а затем на моё плечо, на котором остался глубокий укус от зубов.

— Твою мать...

Она аккуратно усадила меня на край лодки, а сама схватилась за вёсла, начиная интенсивно грести обратно к берегу. Её лицо покрылось мелким потом, или это были просто капли от воды, я не могла разобрать. Плечо жалобно ныло, пульсируя под моей ладонью.

В очередной раз, когда Мори должна была оттолкнуться вёслами, дерево не послушалось и мы застыли на месте. Весло зацепилось за что-то внизу, и я услышала скрип под собой.

И тут что-то резко дернуло за правое весло, заставляя Мори схватиться за него крепче, чтобы не потерять его. Но неизвестная сила, казалось, превышала её физические способности, и Мори была близка к тому, чтобы выпасть за борт. Чтобы держатся крепче, она двумя руками держала весло, оперевшись двумя ногами об бок лодки, откидываясь назад всем телом.

Из-под воды показались те самые жуткие пальцы, что и держали весло. Видя, что Мори держится из последних сил, я схватила второе весло и резким движением ударила по руке этой твари, заставляя отступить ко дну.

Уже не помню, как и когда мы оказались на берегу, но помню, что мы отчаянно гребли веслами вместе, даже несмотря на моё плечо.

Из кустов мы вытащили свою одежду, и не останавливаясь, одевались по пути. Свернули на другую тропинку, через гущу деревьев, в северную часть. Так мы бы быстрее выбрались. Не было времени даже задуматься о том, что именно сейчас произошло.

Моя голова вечно оборачивалась по сторонам, затылком чувствуя, что оно никуда не ушло. Затем сочная зелень над головами сменилась угрюмым черным цветом. Кора деревьев была покрыта серой пылью, словно пеплом, ни одного цветка или листика. Пока и вовсе высокие стволы не сменились обрубленными черными пнями.

А вдали виднелась хижина. Однако от её вида в легких тяжелело. Я не помнила, чтобы в этом лесу вообще были постройки.

Мое колено резко коснулось земли, и я еле успела подставить руки перед собой. В то же мгновение Мори оказалась рядом, придерживая за одно плечо, не забывая о втором, которое было ранено. А меня настигла мысль о том, как же я дальше буду тренироваться и как объяснюсь перед мамой.

Моя лодыжка опухла и на бледной коже просвечивался синяк. Испуганно глядя на меня, Мори застыла, обдумывая дальнейшие свои действия. Аккуратно подхватив меня под руку, не доставляя лишней боли, она потащила меня на пенек возле этой хижины.

В углах висели клочья паутины, а крыльцо опасно просело. Казалось, ещё шаг — провалишься в преисподнюю. А пенек подо мной был шершавый, неприятно впиваясь острыми занозами в кожу.

Слегка нагнувшись вперед, я пощупала ногу, проверяя состояние. Не сломана, вроде не вывих. Просто ушиб. А Мори молчала. Я думала, что она вспоминает дорогу домой, но её профиль был устремлен куда-то в даль, а зрачки бешено заплясали.

Я не разглядела ничего, пока Мори силой затаскивала меня во внутрь этой рухляди.

Едкий запах сырости и гнили обрушился на нас, словно тяжелая волна, заполняя каждый уголок хижины. Под ногами хрустели осколки стекла, валялись истлевшие тряпки и обломки мебели, заставляя то и дело спотыкаться и перепрыгивать через этот хаотичный навал.

На стене висел календарь, время безжалостно стерло большую часть рисунка. Едва различимый год — 1998. Даты после третьего августа были безжалостно вырваны, словно кто-то пытался вычеркнуть их из памяти. Лишь третье число обведено жирным черным контуром, словно траурная рамка.

В дверном проеме маячила фигура женщины. Высокая, неестественно стройная. Кожа бледная, словно фарфор или лист бумаги, а шея слишком длинная со странным изгибом. Лицо словно неподвластно человеческому взгляду, размыто. То ли улыбается, то ли ухмыляется. Она стояла и молчала. Даже не двигалась.

Это оно было в озере.

Стоило мне рот открыть, как чья-то ладонь мигом помешала. Сиэми смотрела на меня и взглядом говорила: «Молчи!». Я кивнула, и она убрала руку с моего лица. Она смотрела на даму снаружи. Её зрачки были сужены до размера булавочных головок, а руки дрожали как в лихорадке.

женщина стояла и не двигалась. Но воздух вокруг неё двигался — он струился, как марево над асфальтом, искажая пространство. Запах чего-то сладкого, приторного, как цветы, которые слишком долго стояли в воде и начали гнить. Этот запах заполнял лёгкие, и мне хотелось закашляться, но Мори держала меня за руку.

Жестами Сиэми показала, чтобы я следовала за ней. Бесшумно как тени. Мы шли, приседая и не торопясь. Один неверный шаг, и какая-нибудь сгнившая доска подаст звук. Оборачиваться не хотелось. Мы вышли за дверь, которая была с другой стороны дома. Женщины не видно.

Глава 5. Двадцать пятое июля

Наши дни.

— Яно, а ты что с собой в поездку возьмешь? — поинтересовалась Тиба, после того как она перечислила всё, что собирается брать сама.

— Я не поеду.

— В смысле? Это ещё почему?!

— У меня соревнования в это время.

Всем потоком первогодок мы должны были вскоре поехать в Окинаву на экскурсию. Каждый был в предвкушении поездки, и я, в том числе.

— Кстати Яно, а каким спортом ты занимаешься? — улыбнулась Мори.

— Я хожу на фигурное катание.

Первая мысль, которая залезла ко мне в голову, так это «Почему Мори так спокойно общается?». Хотя мы и договорились, что забудем о хижине, но мой интерес никуда не пропал. Ведь это невозможно не думать об этом!

Какие-то существа, странные места, вот что это все было?

А самое странное то, что Мори точно знает об этом многое. Но откуда? Этот вопрос сверлил мою голову. Она же чужак в этом городе. Я прожила здесь всю жизнь и ни о какой хижине не слышала. А она... она знает о ней так много, будто выросла здесь. Или будто... уже бывала здесь до этого.

Не то что я, даже остальные этого не знают! У кого бы я не спросила, никто даже о её существовании не знал. Тогда почему знает она? Это выше моих сил делать вид, что ничего не знаю!

Помимо того, мне сняться странные сны с тех пор. Самый запоминающийся был о том, как я гуляла по туманному саду. Цветы не были яркими, тропинка узкой. А спереди меня дверь, заросшая этими цветами.

Я слышала голоса с той стороны. Они говорили шепотом, перебивая друг друга. Но каждый и них твердил мне одно и то же:

«Зайди внутрь»

Тропинка сужалась, пока я шла навстречу двери. Кусты цветов начинали давить на бока, словно не пускали меня. Оказавшись у самой двери, мой путь перегородил подсолнух. Он был единственным, кто имел яркие цвета.

Красивый, залюбуешься. Голоса становились громче, настойчивее. Аккуратно отодвинув подсолнух, дверь распахнулась со скрипом.

Что было внутри? Не помню. Возможно, что я проснулась сразу же, как открыла её.

Прошла неделя, а ощущение липкого ужаса от той хижины не проходило. Даже школьная поездка в Окинаву не могли его затмить.

— Ура! Окинава! — восторженный голос Тибы, полный предвкушения, эхом отозвался у меня за спиной.

То был поздний вечер. Мы только что приехали и должны были заселиться в рёкан. Завтрашний день обещал быть насыщенным, ведь с самого утра нас ждали экскурсии. Нужно выспаться.

Улицы купались в мягком, золотистом свете фонарей. Легкий, прохладный бриз нежно ласкал кожу, принося с собой запах моря. Воздух был свежим и чистым, словно глоток прохладной воды после долгой дороги. Усталость и сонливость, казалось, окутали всех, как мягкое одеяло. В этот момент единственным желанием было сбросить с себя дорожную пыль, переодеться в уютную, мягкую пижаму и, наконец, рухнуть на futon, слившись с ним в одно целое.

Словно по течению реки, мы, единым потоком, быстро добрались до рёкана. Я, Тиба и Мори расположились в одной комнате, футоны наши лежали рядом. Мори оказалась слева от меня, а я — как всегда, посередине, между двух огней.

— Дети, после девяти — отбой! — строгий, но заботливый голос учителя Коно разрезал тишину. — Прошу вас не шуметь, давайте уважать других постояльцев.

И учительница исчезла за дверью соседней комнаты.

— Наконец-то мы здесь! — выдохнула Тиба, сбрасывая с плеч рюкзак. — Знаете, девочки, это же такой офигенный шанс отдохнуть, развеяться, увидеть что-то новое! Я так мечтала об этой поездке!

— Смотрю, ты действительно сильно ждала этого, — с улыбкой заметила Мори.

— Да еще как! А как же иначе! Если нам еще и разрешат съездить на горячие источники... — глаза Тибы засияли от восторга, — ...то это будет вообще зашибись! Просто космос!

Девочки весело щебетали, перебивая друг друга, делясь впечатлениями и планами. Я молчала, погруженная в свои мысли. Просто слушала их звонкие голоса и улыбалась, чувствуя, как на душе становится тепло и спокойно. Изредка вставляла какие-то фразы, поддакивала, поддерживая разговор. Время пролетело незаметно, словно стайка быстрых птиц.

Наступил час отбоя. Свет погас, и в комнате воцарилась мягкая, обволакивающая тишина.

Я чувствовала себя измотанной, но заснуть никак не могла. Сон словно играл со мной в прятки. Вроде бы и хотелось закрыть глаза и провалиться в темноту, а вроде бы и нет. Я долго ворочалась, пытаясь найти удобное положение. Переворачивалась с одного бока на другой, взбивала подушку, пыталась укрыться одеялом, но ничего не помогало. Может, все дело в том, что я не дома? Просто непривычная обстановка, чужие стены, незнакомый запах... Вероятно, это все. Лишь около часа ночи, измученная и обессиленная, я, наконец, провалилась в долгожданный сон.

— Где я?

Знакомое место... Хижина. Я стояла позади нее, у задней двери. Каждая клеточка моего тела кричала, предостерегая от того, чтобы заходить внутрь. Какое-то время я стояла неподвижно, словно вкопанная в землю. Вокруг царила неестественная тишина. Словно здесь не было жизни. И все тот же тошнотворный, металлический привкус крови витал в воздухе, саднил нёбо.

Я двинулась вперед, не сворачивая, идя по прямой от хижины. Ушла далеко. Бежала, не разбирая дороги и сквозь пелену тумана проступали лишь очертания развалин, словно призраки былого. Внезапно туман рассеялся, и я наткнулась на целую деревушку. В ее центре возвышалась статуя мужчины. Высотой чуть больше двух метров, она словно пыталась прорвать серую пелену неба. Мужчина простирал руку вперед, к невидимому солнцу, навеки скрытому за вечным туманом.

С каменной руки статуи свисала грязная веревка. А позади нее, словно в тени, стоял дом. Кто-то был внутри, затаившись, не выходил наружу. Он смотрел на меня, я чувствовала это всем своим существом. Его лицо... оно было невыразимо. Невозможно описать это чудовищное зрелище словами. Просто не существует таких слов! С каждой секундой лицо искажалось, меняясь на другое, еще более жуткое. Но во всех этих масках проглядывали черты человеческого облика. Холодный пот пронзил спину, словно ледяные иглы. Оно пересекло порог дома, ступив в серую реальность. «Бежать» — первая и единственная мысль, что обожгла мозг, как раскаленное клеймо. Попятившись назад, я сорвалась с места и бросилась бежать, словно за мной гнался сам дьявол.

Я неслась сквозь лес, мимо серых, безжизненных деревьев. Они были настолько высокими, что их верхушки терялись в тумане. Я старалась не оглядываться, знала, что если обернусь, то упаду, сломаюсь, не смогу двигаться дальше. Сбоку, краем глаза, я заметила движение,

чью-то тень. Ну и ладно! Я прибавила скорости, сжигая последние запасы сил. Вновь я стояла у хижины. Задыхаясь, с трудом переводя дыхание, я присела возле нее, прислонившись спиной к шершавым бревнам. Этого чудовища, что гналось за мной, нигде не было видно. Вокруг царил зловещая тишина.

Трава под ногами была мокрой, словно после недавнего дождя.

Кто-то за деревом. Но уже другой. Черт! Почему каждый здесь кажется таким знакомым? Оно выглядывало из-за ствола, медленно, осторожно. Смотрело в упор. В его взгляде читалась не то насмешка, не то злорадство.

— Отец?..

То, что приближалось, пошатываясь, действительно напоминало моего отца. Те же черты, рост. Но глаза... они были мертвыми, нечеловеческими, чуждыми этому миру.

— Юки... как же я скучал... иди к папе...

С каждым его шагом слышался тихий, отвратительный треск. Он тянулся ко мне, лицо искажено в болезненной гримасе.

— Неужели ты боишься меня?.. — его голос был тихим и сладким, будто для колыбельной. — Не удивительно.

Он замолчал, вскинув голову. Взгляд стал пустым и острым одновременно.

— Доченька, скажи, почему я такой?

Я не могла шевельнуть ногами и сдвинуться с места, словно погрязла в болоте.

— Кто же виноват в том, что меня больше нет? — его шёпот леденил кровь. — Хватит жмуриться, посмотри папе в глаза. Ну же...

Он схватил меня за волосы и с силой потянул назад, чтобы я могла смотреть только на него.

— Прости меня. Прости, пап... я люблю тебя...

По моей щеке успела пробежать горячая слеза, прежде чем он ударил меня головой об стену. Мир поплыл, в ушах зазвенело. И я почувствовала, как от твари пахнет тинной.

— Тише... не плачь, папа тоже тебя любит, хоть ты меня и разочаровала. Однако мой долг как родителя обязывает преподать тебе урок, понимаешь?

Я попыталась что-то выговорить, но язык меня не слушался, а мысли не вязались.

— Всё имеет равную цену. За добро плати добром, за обиду — обидой. А за унесённую жизнь платят тоже жизнью.

Он смотрел на меня, насквозь прожигая своим взглядом, словно видя моё нутро. И я вспомнила светло-серые глаза моего папы, в которых всегда плясали искры жизни. Как он постоянно щурил их, улыбаясь во все зубы. В моей детской памяти он остался другим, а не тем, что сейчас стояло передо мной.

— Ха-ха... — прохрипела я, улыбаясь от безысходности. — Мой отец не такой урод как ты.

Оскал исчез, уступив место чистой ярости. В следующее мгновение моё лицо снова врезалось в каменную стену. Он оттащил меня и повторил удар. В глазах потемнело, боль стала далёкой и размытой. Он дёрнул за волосы, оттягивая голову назад, вторая рука сдавила горло.

— ТЫ УБИЛА МЕНЯ!

Невыносимая боль пронзила шею. Я услышала хруст — и мир опрокинулся. В последнем кадре сознания я увидела, как моя голова, отделившись, катится по мокрой траве. Чёрная фигура нависла над телом.

— Возьмёшь ли ты ответственность?..

Чудовищное давление на виски.

Темнота. Тишина. Резкий, судорожный вдох. Я дёрнулась и открыла глаза. Над потолком рёкана плыла тень от ветки за окном. В комнате тихо посапывали девочки. На циферблате светилось 03:17.

Тело обмякло, но нервная дрожь была мелкой дробью под кожей. Слёзы текли сами, смешиваясь с холодным потом на шее. Уснуть снова не было ни малейшей возможности. Только смотреть в потолок и чувствовать, как ледяные пальцы кошмара всё ещё сжимают сердце.

Внутри поселилась смутная тревога, ледяными пальцами сжимающая сердце. Я лежала неподвижно, пытаясь прогнать наваждение, но образы ночного кошмара настойчиво возвращались. Веки словно намертво склеились, не давая мне уснуть снова.

Глава 6. Двадцать восьмое июля

Солнце безжалостно палило, припекая макушки тех, кто забыл дома кепки. Мы стояли, словно стадо овец перед воротами замка Сюри, а учителя безуспешно пытались удержать нас в куче. Воздух гудел от возбужденных голосов, каждый делился своими впечатлениями и ожиданиями.

— Эй, Маэ, — кто-то легонько тронул меня за плечо, и я обернулась.

В первую очередь в глаза бросились непокорные кудряшки Тибы.

— Тиба? Что случилось?

— Да у меня все в порядке, а вот на тебя смотреть страшно. Глаза запавшие, вид какой-то... вялый. Ты что, опять всю ночь не спала?

Вопрос Тибы попал прямо в цель. После вчерашнего кошмара я так и не смогла сомкнуть глаз. Чувство вины, горькое и знакомое, сжалось внутри тугим комом. Оно было реальнее, чем этот замок, громче, чем голос экскурсовода. Но мне совсем не хотелось портить всем настроение своим унылым видом.

— Да, что-то не спится. Наверное, просто новое место так действует. Акклиматизация, знаешь ли. — постаралась я изобразить беззаботную улыбку.

— А.. ну, если что, обращайся, вдруг чем-то смогу помочь. — Тиба внимательно посмотрела на меня и, кажется, поверила в мою ложь.

Я лишь кивнула в ответ, не находя в себе сил на дальнейший разговор.

В этот момент экскурсовод, парень лет тридцати с загорелым лицом и живыми глазами, ловко вскинул руку, собирая наше внимание.

— Так, народ! Кто готов превратиться из сонного стада в отряд бесстрашных исследователей? — крикнул он с такой энергией, что даже самые сонные встрепенулись. — Меня зовут Кейта, и следующие пару часов я ваш проводник в сердце Окинавы. Забудьте про скучные лекции! Здесь каждая стена умеет рассказывать истории. Кто хочет их услышать?

Кейта говорил о стенах без раствора, о стратегах древности, но я слышала только слова того, кто мне приснился. Они шевелились за каждым словом экскурсовода, как тень за спиной.

Уже на обзорной площадке он стоял, молчаливый, а потом мягко сказал:

— Теперь посмотрите. Видите море? Оно такое же, как и сотни лет назад. Видите холмы? Они те же. Замок может сгореть, но земля помнит. И дух места — жив. Кто спросил про легенды?

— Я! — сразу откликнулось несколько голосов.

— Ага, вот вы где, любители пощекотать нервы! — Кейта ухмыльнулся. — Ну, слушайте. Говорят, что здесь бродит дух одной... скажем так, очень несчастной женщины. Наложницы короля. Ее история кончилась плохо, очень плохо. И с тех пор она злится. А злится она — огнем. Замок горел пять раз. И каждый раз в народе шептались: «Это она. Опять не угодили. Опять обидели». Может, тень ее до сих пор здесь? — Он оглядел двор с преувеличенной таинственностью. — Кто знает. На Окинаве верят, что обиженные духи никуда не уходят. Они становятся частью ветра, камня, этого влажного воздуха... Так что, если почувствуете внезапный холодок по спине — знайте, это не просто ветерок.

Он хлопнул в ладоши, завершая экскурсию.

— На этом моя часть окончена. Но ваше исследование — нет. Гуляйте, смотрите, трогайте камни. И помните: история — это не даты в учебнике. Это то, что вы почувствовали сегодня. Удачи!

Ребята зашумели, обсуждая легенду. Но я, в отличие от них, не чувствовала никакого умиротворения. Слишком бодрые и пафосные слова Кейты о возрождении духа не находили

отклика во мне. Вместо них в голове звучал шепот из кошмара, а на спине будто и правда застыл тот

самый «холодок». Его легенда об обиженном духе прозвучала не как сказка, а как злое-щее эхо моего сна. Что-то здесь было не так. Что-то злое-щее таилось в этих ярких красках и отреставрированных стенах, что-то, что следило за нами...

Отбившись от группы, мы с девочками бродили по замку. Меня пугал и одновременно завораживал его прекрасный вид. В таких местах я не бываю, от того и мурашки по коже от красоты.

Теперь же нам предстояло найти выход из замка, но... мы не помнили, где он. Нервно мы искали его, бродя по коридорам и забрели совсем-совсем не туда. Вдруг кто-то нас окликнул:

— Ребятишки, что вы тут забыли? Вам тут быть нельзя.

Тиба, Яно, Мори и я повернули головы в один момент. То был Кейта. Сейчас он выглядел скорее напряженным, чем воодушевленным, как на экскурсии.

Он подошел ближе и сказал:

— Вы чего? В библиотеку заглянуть решили?! Она уже сколько лет тут не работает, идите уже.

Разве тут вообще может быть библиотека? Я о ней ничего не слышала. Хотя было бы интересно заглянуть.

— Простите... мы заблудились. Подскажите, как нам выйти отсюда? —

виновато сказала Тиба.

Понимающе кивнув, Кейта быстро увел нас обратно к группе. Я обернулась. Какая-то девушка стояла у двери библиотеки — белая, почти прозрачная на фоне тёмного дерева. Она смотрела на меня. И вроде бы... улыбалась?

Глава 7. Вечер двадцать восьмого и утро двадцать девятого

После сытного ужина мы вернулись в рёкан. Настало время отбоя, но вопреки утренним кошмарам и позднему отходу ко сну, спать совершенно не хотелось. Тишина в комнате давила, мысли роились в голове, не давая расслабиться. Улучив момент, когда Сиэми отвернулась, я тихонько выскользнула из комнаты и оказалась на улице.

Села на ближайшую скамейку, чувствуя под собой прохладное дерево. Отсюда открывался великолепный вид на ночное небо, усыпанное мерцающими звездами. А луна... она была просто восхитительна в ту ночь, сияющая, полная, словно серебряный дирижабль в бархатной темноте.

Прохлада ночного воздуха приятно обжигала кожу, вызывая мелкую дрожь по всему телу. Единственным источником света, помимо луны, был

одинокий фонарь, тускло освещавший конец улицы, отбрасывая длинные причудливые тени.

Но ни красота ночи, ни приятная прохлада не могли отвлечь меня от навязчивых мыслей. Все мои мысли были заняты моментом из сна, когда я вновь увидела отца. Его образ, его слова... всё это казалось таким реальным и в то же время невыносимо далеким. Поддавшись охватившей меня тоске, я не заметила, как одинокая слезинка скатилась по щеке, оставляя за собой влажный след...

— Папа, я так скучаю по тебе...

То чудище, что мне приснилось, было так на него похоже. Те же руки, одежда и улыбка. Как же было больно осознавать, что это не он. Даже во сне, даже в долбаном сне я не могу спокойно с ним поговорить. Поток слез из моих глаз становился сильнее. И сквозь них я видела не звезды, а тогдашнее солнце, слепящее стекло автомобиля...

*

— Папа! Отвези нас погулять! Мы с Юрикой хотим покататься на роликах.

— Да! Пожалуйста!

— Ха-ха, хорошо. Раз уж так просите, то бегите и одевайтесь! Чтобы обе через пять минут были тут! А иначе никуда не поедем!

Мы с сестрой сорвались с места, и я помню, как мы смеялись, бегая по коридору. Я надела розовую футболку — папа говорил, что она идёт мне больше всех. Юрика выбрала фиолетовую. Мы прибежали к машине, запыхавшиеся, счастливые.

Папа уже сидел за рулём. Он подмигнул нам, когда мы залезали на заднее сиденье.

— Ролики в багажнике, — сказал он. — Так что приготовьтесь кататься весь день.

— Милая, а ты с нами поедешь? — спросил он маму, стоящую на пороге.

Мама покачала головой, и я помню, как она улыбнулась — устало, но тепло.

— Я бы с удовольствием, но ужин кто приготовит? По пути назад купите на завтра продуктов, я список тебе отправлю.

Он отправил маме воздушный поцелуй, и тогда мы двинулись.

Я смотрела в окно, считала машины, проезжающие мимо. Юрика болтала о чём-то, но я не слушала. Я ждала музыку. Папа включил радио, и я засмеялась — он всегда включал то, что нравилось мне.

А потом был звук.

Я не поняла, что это. Сначала — визг шин, слишком громкий. Потом удар — такой сильный, что я оторвалась от сиденья, и ремень безопасности врезался в грудь. Я не могла дышать. Мир перевернулся несколько раз, а потом замер.

В ушах звенело. Я открыла глаза и увидела небо. Мы лежали на боку.

Я повернула голову. Папа сидел рядом, его лицо было разбито. Кровь текла по его щеке, по губам, на рубашку. Его грудь ходила ходуном, он хрипел. Ремень безопасности душил его, и я хотела помочь — протянула руку, но мои пальцы не слушались. Я была слишком маленькой.

— Папа? — прошептала я.

Он посмотрел на меня. Я видела, что он пытается что-то сказать. Его губы двигались, но изо рта выходил только хрип, а потом тишина. Я смотрела, как его глаза перестают двигаться. Я ждала. Я думала, что он моргнёт. Он не моргнул.

Где-то рядом кричала мама. Нет, это была не мама. Это был женский голос, которого я не знала. Или это была я? Я не помню.

*

Неожиданно чьи-то теплые руки обвили меня сзади. Прикосновение было невероятно осторожным, будто боялись меня сломать, рассыпать на осколки.

— Тише... Всё хорошо. Я тут, — прошептала Сиэми, склоняя голову ко мне, её волосы коснулись моей макушки. Объятия не разрывались, лишь усиливая ощущение безопасности.

И тут меня прорвало. Все то, что копилось внутри, все страхи, сомнения, невысказанная боль, вырвались наружу огромным, безудержным потоком слез. Я рыдала взахлёб, захлебываясь в собственных переживаниях.

Сиэми молча гладила меня по голове, её прикосновения были мягкими и утешительными. Она просто была рядом, не требуя объяснений, и продолжала стоять со мной, пока шторм эмоций постепенно не стих.

Когда я, наконец, успокоилась, Сиэми села рядом, её взгляд был полон сочувствия.

— Я не знаю, что у тебя произошло, — начала она тихо, — но, если захочешь, сможешь поделиться со мной. Я постараюсь понять. Но... если ты не можешь, то не стоит себя заставлять. Даже если ты не расскажешь, я останусь с тобой. А после мы пойдем спать, когда ты этого захочешь.

— Сиэми... — выдохнула я, чувствуя, как её слова проникают в самое сердце, — твои слова звучат так знакомо... Знаешь, сегодня мне приснился сон. Там я оказалась возле того домика в лесу, где мы с тобой были. И я

видела своего отца. Он сказал, что скучал по мне, по сестре и по маме. Но... это был не совсем он...

Сиэми снова обняла меня, крепко, словно боясь, что я исчезну. Я уткнулась лицом в её плечо, чувствуя, как тепло её тела разливается по мне. С этим человеком было ощущение, что мы знакомы целую вечность... словно она знает всё обо мне, больше, чем кто-либо другой. Даже больше, чем я сама. Странно, ведь мы знакомы от силы пару месяцев. Никогда, никогда я не сближалась с людьми так быстро.

— Во сне... — начала она тихо, чуть помедлив, — во сне ты видела кого-то ещё? Например, кого-то, похожих на людей... но не являющихся ими?

— Да, но откуда ты знаешь? Неужели тебе тоже что-то снилось?

— Снилось, — коротко ответила она.

— Я помню, что пообещала тебе, что больше не буду упоминать хижину. — я посмотрела на нее с надеждой. — Но скажи хотя бы одно, это всё та странная женщина?

Лицо Сиэми помрачнело, в ее глазах промелькнула тень.

— Да, и она будет преследовать тебя теперь каждую ночь во сне. Да и не только во сне, скоро и галлюцинации начнутся.

В животе похолодело от предчувствия.

— Но... зачем? И она что-то вроде призрака? Или, может, непокойная душа?

— Я не знаю, что это, но поняла: чем больше боишься, чем сильнее тебе больно — тем сильнее оно становится — проговорила Сиэми, словно произнося давно выученный текст. — Оно кормится твоим страхом. Как будто твои кошмары — это его воздух и вода.

Вопрос «Откуда ты всё это знаешь?» снова и снова стучал в зубы, просясь наружу. Но я сжала губы.

— О чём задумалась? — тихо спросила Сиэми.

— Ну, просто никогда не думала, что действительно встречу с чем-то паранормальным, — ответила я, чувствуя, как внутри растёт беспокойство. — Я до конца отказывалась признавать это.

Видя тяжесть в её глазах, я поняла: сейчас не время. Выпытывать правду у человека, который только что держал тебя, пока твой мир разваливался на куски — это предательство.

— У меня так же было, — задумчиво произнесла она. — Может, пойдём обратно в рёкан? Уже светает...

И действительно, солнце уже начало пробиваться сквозь облака, окрашивая небо золотисто-розовой пеленой. Прохладный ветер подул, заставив меня поежиться.

— Чёрт, холодно же. — пробормотала я.

— Ладно, пошли обратно. — согласилась Сиэми, поднимаясь на ноги.

Мне удалось прекрасно выспаться. Даже та женщина не явилась ко мне во сне в облиии отца. Но вот Сиэми с утра выглядела слишком уставшей, хотя спали мы одинаково. На мои расспросы о том, снилось ли ей что-то, она лишь отрицательно помахала головой и с привычной грубостью заявила:

— Я не выспалась, потому что ты мне пол ночи в плечо рыдала.

Грубовато, как и обычно. Значит, всё в порядке.

Последние дни мы провели незабываемо. Скучные экскурсии скрашивались классной едой и покупкой новых сувениров. Прогулки по берегу океана, различные игры и кража чужих закусок стали нашими маленькими приключениями. А после надоедливых шести часов в самолете, не включая другой транспорт, показались вечностью.

Но в целом, мне понравилось. Возвращение домой принесло облегчение и предвкушение новых загадок, которые, я уверена, нас еще ждут.

И та ночь, и мои слезы остались там, в Окинаве, под чужим небом. Но что-то между нами изменилось навсегда. Стена не рухнула, но в ней появилась дверь.

Глава 8. Первое августа

— Нужно каким-то образом избавиться от этого «призрака». Сиэми, ты знаешь что-нибудь?

— О самом призраке ничего, только совсем чуть-чуть о хижине — она поставила чай на стол и пододвинула ко мне — Как я уже и говорила, там жил лесник. Около... двадцати или тридцати лет назад, не помню. О нем было известно лишь то, что он поджег себя и дом после гибели его семьи.

Это объясняет сторевшие пни вокруг хижины. Но если он собирался поджечь и дом, то почему он по итогу не сгорел?

— Знаешь, я видела в разных фильмах про паранормальное то, что многие, кто сталкивается с призраками в новом доме, идут в какие-то архивы и там уже узнают про прошлых жильцов.

— Но мы не знаем даже адрес, возможно его и нет вовсе.

— Ну... ты не знаешь, как звали того мужчину?

— Я не уверена, по-моему, Судзуки Ямато.

Вспомнилось, что в одной из комнат висел календарь 1998 года, а последним числом было третье августа. Если он сам себя сжег, то скорее всего третье августа и есть дата его смерти. Теперь у нас было чуть больше информации, по которой можно было хоть что-то откатать.

— Архивы, о которых ты говоришь, есть в каждом городе, но проблема в том, что не вся информация будет нам доступна.

— Тем не менее это какая-то зацепка.

Мори полезла в свой телефон, что-то ища. Не прошло и минуты, как она встала из-за стола сказав:

— Тогда пошли.

— Куда?

— В архивы, я нашла адрес.

Чай так и остался остывать на столе, а мы, обувшись шли по навигатору в телефоне. Идти пришлось долго. Закончив путь, перед нами раскинулось небольшое, пятиэтажное жилое здание.

— Что-то не похоже, что это тут.

— Вход, с другой стороны, давай обойдем.

И вправду, вход в архивы был там. Но для меня было необычным то, что он находился в обычном, жилом здании, где есть подъезды, рядом детский сад и так далее.

Для меня казалось, что архив — это замороченное, огромное здание. Где много охраны и металлоискателей. И там обязательно каждый человек будет смотреть на тебя с подозрением, как на иностранного шпиона.

А мы даже зашли без препятствий. Сразу у входа стойка администратора, где нас встретил молодой мужчина, одетый в белую рубашку и классические черные штаны. Сотрудник архива.

— Здравствуйте, чем могу вам помочь? — вежливо обратился он к нам

Позади него стояла витрина с выставленными историческими документами и фотографиями для привлечения внимания.

— Мы бы хотели узнать побольше об одном человеке. Его зовут Судзуки Ямато, он умер 3 августа 1998-го, он был лесником.

— Хорошо, давайте я зарегистрирую ваш визит и помогу сориентироваться.

После нас привели в читательский зал. Освещенная и тихая комната, люди заняты чтением всяких скучных бумажек. Множество чистых столов с компьютерами, различные каталоги и старые газеты.

Молодой сотрудник помог нам найти парочку бумаг о леснике и о его семье. Узнали мы совсем мало. У него была жена и двое детей, которые погибли в результате несчастного случая. Их машина столкнулась с другой, после чего они погрузились под воду и не смогли выплыть. Это произошло в ноябре 1997-го года.

А в одной из старой газет говорилось, что мужчина сошел с ума от горя и поджег себя. Более о них ничего не известно.

— С этим мы никуда не придем — устало сказала Мори, откинувшись на спинку стула.

— По сути, когда люди совершают суицид, они оставляют предсмертную записку. Но тут её не было.

— И такое не редкость, всё же, ему некому было её писать.

— Тут ты права, но может есть хоть какой-то шанс на то, что она в доме? Да и не обязательно записка, это может быть что угодно.

— Ты сейчас предлагаешь туда идти?

— Ну... почему бы и нет? Возможно, мы найдем хоть какие-то подсказки.

— А ту женщину ты не боишься?

— Не сказала бы, что не боюсь, но я заметила одну деталь. Она лишь является во сне и появляется в хижине, однако ни разу она нас не тронула. Может быть, она и не может?

Мори молчала так долго, что я уже подумала, она сейчас взорвется.

«Ладно», — наконец выдохнула она, и в этом слове была вся тяжесть мира.

— Но только по моим правилам. Ни шага в сторону. И если я скажу.

«бежим» — мы бежим, не задавая вопросов. Договорились?

Когда я кивнула ей, показывая, что всё поняла, она со вздохом продолжила:

— Мне эта идея не нравится, но по-другому ничего не получится. Я улыбнулась и встала из-за стола.

— Ну, тогда пошли.

Мори, ничего не говоря последовала за мной. Время приближалось к закату, нужно было успеть до темноты, иначе мы ничего там не увидим. Все, как обычно, с начала деревня, напоминающие великанов, что охраняют свои земли. И все сменяется черными пнями, происхождение которых нам теперь известно.

А вот и домик, дверь которого была распахнута, словно приглашая войти внутрь. Сделав пару смелых шагов, мы оказались внутри. Сейчас тут было страшней, чем в прошлый раз. Зайдя в комнату, где на меня чуть не свалилась доска, я заметила то, чего не заметила тогда. Письменный стол с ящиками.

Приблизившись к нему, Мори вытащила один ящик и поставила его на стол. Куча всяких бумажек и оберток лежали друг на друге. Вывалив все на стол, мы решили перебрать все бумажки. Ничего.

Тогда уже я достала второй ящик. Столько же бумаг, но было то, что мгновенно зацепило наше внимание. Старый и пошарпанный дневник. Внутри была подпись «Судзуки Ямато».

Вот оно! Личный дневник лесника!

Первые страницы были об обычной, повседневной жизни.

*

Сейчас начало ноября, и я решил завести себе личный дневник! Хотя мне и кажется, что я стар для подобного, но друг посоветовал, сказав, что так легче расставлять свои мысли по полочкам. Надеюсь, это поможет и мне.

Забрал детей и жену, решили съездить в наше любимое кафе. Там дети заняты всегда и находят себе развлечение, а мы с женой можем отдохнуть хоть немного.

*

Нет. Этого не должно было произойти. Не должно. Не должно. Почему? Зачем? Нет, нет, нет, нет! Этого не произошло... нет.

*

Моя Нанами... моя Аои и мой Нэо, я вас люблю. Дорогие, я так хочу вас увидеть. Когда же вы уже вернетесь? Мне одиноко без вас. Хочу слышать вашу болтовню ни о чем, хочу слышать ваши голоса, хочу видеть, как вы снова резвитесь в лесу. Нанами, я снова хочу попробовать твой фирменный ужин... прости, что никогда не говорил тебе, что ты замечательно готовишь. Мне всегда нравились милые косички нашей Аои, она должна была пойти в школу в этом году... а Нэо так хорошо разбирался в математике! Я так хотел, чтобы он связал с ней свою профессию. Из него бы вышел отличный учитель или математик. Почему именно вы? Почему я вас отпустил... Я должен был поехать с вами!

Простите меня, я такой идиот.

*

Я не хочу в это верить. Вы должны быть рядом. Почему? Почему вы не здесь? Я же вас люблю... Не хочу оставлять все как есть! Я обязательно ещё раз вас увижу, чего бы мне этого не стоило!

*

Сегодня я видел свою Нанами и детишек. Я сейчас так счастлив, я так рад. Не могу, не могу сдержать слез...

*

Мы снова поиграли вместе на полянке, а Нанами приготовила моё любимое блюдо. Хотя и опоздали, но мы решили, что отправим Аои в школу. Я буду чуть больше работать, чтобы купить ей все самое новое и лучшее!

*

Нэо очень хорошо справляется и с физикой! Даже успевает заниматься спортом! Я так им горжусь... нужно порадовать его чем-то.

*

Нанами сказала, что они с детьми не смогут остаться со мной навсегда. Может им чего-то не хватает? Я отдам всё!

*

Нанами сказала, что я должен пожертвовать своей душой, ради того, чтобы мы навсегда остались вместе. Они начали вести себя странно.

*

Моя Нанами... я понял, что это были не вы. Оно хочет мою душу. Оно хочет, чтобы я отдал её сам. Давит. Давит и душит меня каждый день. Мне нужно исправить свою ошибку, Нанами.

*

Теперь я действительно вас увижу, Нанами, Аои, Нэо... Папа скоро будет. Люблю вас.

*

Читая это, я чувствовала, как по моей спине ползет гора ледяных мурашек. Это было слишком знакомо. Та же боль, то же чувство вины выжившего, что годами грызло и меня. Ком встал в горле... Неловкая тишина усаживалась на голову, но Мори её прервала первой:

— Так получается, это тот призрак постарался?

— Кхм, скорее всего.

— Что это?

Из дневника вывалилась бумажка. Старая и потрёпанная.

— Записи на китайском языке.

— Так давай через фото переводчик?

Она достала телефон и сфотографировала листок. Минуту спустя она покачала головой и разочарованно показала экран. Он не мог перевести текст, так как он был написан вручную и невозможно было разобрать почерк.

— И че нам делать?

— Оставим пока себе, потом разберемся Действительно, сейчас ничего не сделать.

— Бесполезная бумажка.

Мори посмотрела на меня, а я на неё

— Это ты сейчас сказала?

— Нет.

— Сзади.

Резко обернувшись, перед нами стояла женщина. В таком же платье, что и в прошлый раз. Её лицо... теперь казалось знакомым. Точно! Я же видела его в старой газете.

Это лицо Судзуки Нанами. Жены лесника.

Неужели, она и есть озлобленный дух? Но времени подумать она не давала. Раз и она уже летит в нашу сторону.

— Чужое трогать нельзя.

Сердце упало. Мы отпрыгнули по разным сторонам, обходя женщину. Сломая голову помчались к выходу, но не тут-то было! Она уже здесь и преграждает нам путь к отступлению. Отшатнувшись на пару шагов назад, Мори прошептала мне:

— Она же не может ничего нам сделать здесь.

Верно. Так и ещё намерено оставляет лишь один вариант побега — задняя дверь. Мы переглянулись, словно о чем-то договариваясь. И тут же побежали навстречу этой женщине. Не успела моргнуть, как мы уже стоим за дверью, а тварь стоит позади.

— Ты чего глаза зажмурила-то? — её голос дрожал, но она пыталась шутить, чтобы сбить накал паники.

— Так страшно же.

Она не могла перейти порог домика. Ей оставалось лишь не отводить взгляд на нас, от чего кровь стыла в жилах. А я и подумать не могла, что та говорить умеет.

— Пошли-ка от сюда — сказала Мори, уже уходя в сторону выхода

Я согласилась с ней и тоже сделала пару шагов, как вдруг, раздался голос позади:

— Твоей маме так одиноко без мужа, не так ли?

Её слова впились в спину острее любого ножа. Я инстинктивно сжала кулаки, чувствуя, как по телу разливается жгучий прилив гнева и боли.

«Не оборачивайся» — прошептал внутри голос разума.

Глава 9. Восьмое сентября

Уже выходя из школы, Тиба потрогала себя за мочку уха, чего-то не хватало.

— Блин — протянула она — Я сережку где-то потеряла!

— Ты... — раздраженно буркнула Яно, сжав кулаки. Глубоко вдохнув, затем выдохнув, она снова заговорила: — Пошли тогда бегом.

Девочки быстрым шагом направились обратно. Уже в кабинете, Яно снова не выдержала:

— Ну вот скажи, как можно быть такой растяпой, а? Девочки нас уже ждут, а из-за тебя мы, как обычно, опаздываем. — Ища под партами в пустом кабинете, сказала Яно.

— Да я ведь не специально. Теперь все время на меня кричать будешь?

Тиба скрестила руки на груди и закатила глаза, больше ничего не ответив. Она подошла к учительскому столу, чуть нагибаясь. Уже под ним что-то блестело.

— О, похоже нашла.

Яно подошла к ней, пока та доставала сережку. Однако белокурая долго копошилась, серьгу зажевало плотно под столом. Присев рядом на корточки, она всё с тем же раздражением легонько отодвинула её, сказав, что она сама.

Дверь с грохотом распахнулась и в то же мгновение кто-то запер её на замок изнутри. Тиба и Яно переглянулись, но не поднялись на ноги, оставаясь под столом.

— Что вы делаете? — выкрикнул женский голос.

Сразу послышался звук громкого шлепка. Девушка замолчала. Голос принадлежал Ёсиде, девочки сразу его узнали.

— Что я делаю? Заставляю взяться за ум. — Отвечает мужской голос.

— Нет... пожалуйста... не трогайте меня, Сато сенсей, прошу...

Девочки слегка высунули головы, чтобы видеть происходящее.

Ёсида стояла, прижатая к парте, и чувствовала, как мир съезжает с оси. Голос учителя доносился сквозь вату: «Будешь тише — больно не будет». Она слышала эти слова, но они не достигали сознания. Руки проверяли ткань юбки, чтобы проверить, на месте ли ткань. Его руки уже лежали на её талии, пока вторая спускалась ниже.

— Остановитесь!

Когда Тиба закричала, звук прорвался сквозь пелену, и Ёсида моргнула. Она увидела телефон, направленный на учителя, и поняла, что её спасают.

— Уберите руки. Сейчас же. — Яно тоже уже вышла из укрытия, глядя на учителя исподлобья.

Отлипнув от ученицы на парте, он отшатнулся на шаг и нервно усмехнулся.

Ёсида же, опомнившись, подошла к девочкам, подправив свою одежду. Почувствовав себя в безопасности за их спинами, она с облегчением выдохнула.

— Давайте попробуем договорится... — шагнул он вперед.

— Нет — Тиба вышла вперед, заслоняя других собой, словно что-то могла сделать. — Брысь.

Учитель замер. Его лицо исказилось в злобной гримасе, что даже вены на лбу выступили.

— Не смейте никому рассказывать об этом. Иначе пожалеете.

— Угрожаете? А запись то ещё идет.

Тиба демонстративно показала экран телефона, где включено видео. Рывком приблизившись к девочкам, учитель выбил телефон из рук Тибы, схватив за локоть и сжав до боли. Она взвизгнула, сжавшись, инстинктивно защищаясь второй рукой.

Яно ринулась вперед, а Ёсида быстрым и нервным шагом пошла к двери. Руки её дрожали, кое-как открыв замок. Чуть ли не выпав из кабинета, она выбежала, ища помощи.

На мгновение она резко остановилась в коридоре. Там, на дальнем конце, стоял кто-то в белом. Сердце пропустило удар. Женщина с неестественно длинной и выгнутой шеей. Улыбается. Но стоило ей моргнуть, как образ исчез без следа.

Ёсида снова начала дышать, подумав, что показалось и чуть шатаясь побежала дальше.

И тогда сенсей Сато резко отталкивает Тибу, отходя на пару шагов назад, глядя в спину ушедшей Ёсиде. Сжав зубы до скрежета, его глаза в бешеном темпе бегали по кабинету, иногда глядя на них. И он поспешил скрыться.

Но не успел переступить порог, как в дверном проеме уже стояла учительница Коно. И тогда сенсей Сато понял, что это конец.

Спустя пару часов все трое девушек сидели возле одного магазинчика. Тиба громко ругалась, вываливая всё свое негодование. Яно иногда посматривала на Ёсиду, слова поддержки не связывались, все казались бесполезными и неподходящими, потому она просто дышала рядом, похлопывая по спине Ёсиду, которая пусто смотрела в одну точку, укрывшись чужой кофтой.

И в этот момент мимо них проходим мы с Мори. Та сразу подлетает к ним с недовольством, скрещивая руки на груди:

— И где были? Даже не написали, что не придете. Мы ведь ждали...

И затем её взгляд падает на Ёсиду, которая, кажется, даже не заметила её, утопая где-то в своем сознании. Поняв что-то у себя в голове, Мори меняет гнев на холодное спокойствие:

— Что случилось?

Я опустилась на стул рядом с Ёсидой, глядя на её бледное лицо. И тогда Тиба во всех красках рассказала то, что произошло, очень активно жестикулируя.

В течении всего рассказа, моя рука поглаживала плечо Ёсиды, пытаясь хоть немного забрать её боль себе этим прикосновением.

*

В гнев учитель возвращается домой. Кидает сумку в сторону, даже не глядя, и плюхается на кровать, накрывая лицо ладонью. Он издает смешок, который переходит в дикий, нервный смех.

И смеётся он до тех пор, пока не слышит, что кто-то смеется в голос вместе с ним. Замолчав, он убрал руку. В темноте ничего не видно, а кто-то всё смеется.

Смех затих так же внезапно, как и появился. Мужчина привстал на локтях, вглядываясь в крошечную тьму, в любой момент готовый отбиваться.

Комната наполнилась трупным запахом и чем-то сырым, как обычно пахнет на болоте. Тиной, гнилой водой.

— Провалился, не так ли? — сказал кто-то прямо в шею, обжигая дыханием кожу.

Учитель Сато резко перевернулся на кровати, подскочив на ноги. Уперевшись поясницей об подоконник, он дрожащим голосом проговорил:

— Уходите из моей квартиры, иначе я вызову полицию...

— Ах, полицию?.. — и снова голос звучит из неоткуда, но при этом отовсюду. — Ты об этих болванах в форме?

Резко перед ним возникает девочка лет одиннадцати, сидя на кровати, болтая ножками, которые свисали. Она была совсем миниатюрной, худощавой и хрупкой, словно травинка.

Однако её глаза не были детскими и наивными, как положено детям. Они заставляли его скукожиться, быстро дышать, пытаться спрятаться.

— Мы же оба знаем, насколько они глупы и на сколько умен ты. — её выражение лица оставалось каменным, как у фарфоровой куклы — Ведь ты настолько гениально спрятал моё тело, что его так и не нашли...

Девочка прыгнула на пол и медленно, словно проверяя, подходила ближе, пока тот вжимался в подоконник всеми силами, чтобы пройти сквозь него и убежать.

Трясушимися и непослушными руками, он теребил что-то под футболкой, пытаясь найти, пока не вынул крест, который весел у него на шее. И словно щит выставил руку вперед. Девочка остановилась в трех шагах от него.

— Думаешь, что бог спасет такого, как ты?

Её глаза залились белым, затем сразу черным, пока из них не полилась бордовая жидкость.

— Мне так больно... всё болит... болит, болит, болит... А тебе больно? Больно?

Кожа на лице начала медленно, словно кожура, сползать вниз, обнажая гниль под ней. И вдруг нога учителя сама выгнулась под страшным углом, после чего послышался громкий хруст костей, и он упал на одно здоровое колено, взыв как собака. Крест звонко упал на пол.

— Помнишь, как ты говорил мне раздвинуть ноги?.. Помнишь?

Её до этого спокойный и надменный тон поменялся на истеричный смех. Звонкий, режущий уши, заставляющий побледнеть.

— Теперь раздвигай ты.

Мужчина пронзительно закричал, ногу поразила боль, словно удар молнии. Теперь его стопа касалась головы, как у эластичной куклы, или гимнастки.

Как вдруг, девочка исчезла. А вместе с ней и боль в ногах. Тихо, ужасно тихо. Не поднимая головы, он нервно оглядел свое тело, пощупал ноги. Целы, не сломаны. Но тело всё ещё ощущало ту боль.

— Я вернусь. — голос прозвучал где-то в коридоре.

Сато сенсей смотрел на свои руки, которые дрожали. Голос эхом отражался в голове.

— Оно вернется. Оно вернется. Вернется... Она же должна быть мертва... мертва! Я же сам... Сам убил её. Руками...

В ту же ночь он выпал с окна, приземлившись прямо на ноги.

Глава 10. Шестнадцатое сентября

Завтра семнадцатое сентября — день рождения Сиэми.

Она позвала меня и ещё парочку наших друзей в скромный ресторан вечером, после чего мы пойдем в её дом с ночёвкой, который будет полностью в нашем распоряжении. Я не могла перестать думать и предвкушать праздник.

Особенно тщательно я выбирала подарок. Мне так хотелось уже увидеть реакцию Сиэми на него. Однако я все равно считала, что подарок недостаточно хорош. Можно было и лучше. Но что есть то есть, главное ведь, что с душой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.